

Новая стратегия промышленной политики и ее роль в модернизации российской экономики

Сычев Николай Васильевич —
ведущий научный сотрудник Института экономики РАН,
доктор экономических наук, профессор.

Nikolai V. Sychev —
Institute of Economics of the Russian
Academy of Sciences.

УДК 338.24(470+571)

В статье определяется сущность промышленной политики в контексте главного вызова — объективной необходимости модернизации российской экономики; акцентируется внимание на трех дискуссионных аспектах выработки новой стратегии промышленной политики: на определении ее стратегической цели, выборе стратегической модели промышленного развития, определении основных направлений промышленной политики; подчеркивается ключевая значимость основных положений, содержащихся в Послании Президента РФ Федеральному Собранию, для решения этих проблем.

Ключевые слова

Промышленная политика, модернизация российской экономики, новая стратегия промышленной политики, экономика знаний, технологический уклад, цифровая экономика, основные направления промышленной политики.

Прежде всего необходимо отметить три весьма важных обстоятельства, касающихся сути рассматриваемого вопроса в целом. Во-первых, промышленная политика есть составная часть экономической политики государства, в рамках которой она играет ключевую роль. Во-вторых, экономическая политика государства наряду с промышленной включает в себя налогово-бюджетную политику, денежно-кредитную политику, аграрную политику, социальную политику и др. В-третьих, появление термина «промышленная политика» неразрывно связано с теоретическим осмыслением индустриализации экономики, исторически исходным пунктом которой стала промышленная революция XVIII–XIX вв.

Подчеркнем, именно это последнее обстоятельство обусловило широкую дискуссию по поводу определения промышленной политики, развернувшуюся как в монографической и учебной литературе, так и в периодических изданиях. В результате сформировались различные подходы к трактовке термина «промышленная политика». При этом обнаружилось, что главная трудность состоит в адекватной интерпретации двух сопряженных друг с другом понятий: «индустрия» и «промышленность», а также их взаимосвязи с понятием «политика». Имея в виду эту трудность, исследователи обращают внимание на не совсем корректный перевод англоязычного термина *industrial policy* как «промышленная политика». Дело в том, что в современных условиях понятие «индустрия» приобретает более широкий смысл в сравнении с понятием «промышленность», которое традиционно распространялось лишь на сферу материального производства, ибо первое понятие охватывает теперь не только сферу материального производства, но и сферу нематериального производства, а также сферу услуг.

Отсюда проистекают различные дефиниции промышленной политики. Но, несмотря на это, внимание в них акцентируется главным образом на системе (комплексе) экономических, организационных, правовых и иных мер государственного воздействия на национальную экономику, посредством которого, с одной стороны, регулируется вся совокупность отношений, складывающихся между субъектами промышленной политики; с другой стороны, определяются приоритетные направления развития промышленного потенциала страны, структурной перестройки экономики, активизации инвестиционной деятельности, развития внешнеэкономических связей с целью повышения эффективности общественного производства, создания конкурентоспособной продукции.

Заметим, подобного рода дефиниции промышленной политики (в той или иной вариации) получили широкое распространение в многочисленных публикациях. Вот одна из них: «Промышленная политика — это система отношений между государственными и муниципальными органами власти, хозяйствующими субъектами, научными организациями и гражданскими институтами, имеющая своей целью воздействие на отраслевую структуру промышленной деятельности через определение и реализацию согласованных между собой принципов, целей, приоритетов, инструментов, программ и мероприятий с учетом современных технологических и социально-экономических вызовов, а также национальных интересов» [1].

К числу таких вызовов относится объективная необходимость *экономической модернизации России*, или *модернизация российской экономики*. В широком (политэкономическом) смысле она представляет собой совокупность коренных изменений, охватывающих различные отрас-

New Strategy of Industrial Policy and Its Role in Modernization of the Russian Economy

The article defines the essence of industrial policy in the context of the main challenge — objective necessity of modernization of the Russian economy; special attention is given to three debatable aspects of elaboration of the new strategy of industrial policy: defining its strategic goal, choice of strategic model of industrial development, defining the main directions of industrial policy. The key importance of the main statements of the Presidential Message to the Federal Assembly for handling these problems is underlined.

Keywords

Industrial policy, modernization of the Russian economy, new strategy of industrial policy, knowledge economy, technological pattern, digital economy, main directions of industrial policy.

➤ Ускорение решения задач по развитию в России работ в области нанотехнологий и наноматериалов и освоение достигнутых результатов промышленностью возможны только при наличии масштабной и незамедлительной государственной поддержки.

ли последней, присущие ей производительные силы и производственные отношения, а также соответствующие им институты.

Важнейшую роль при этом должна сыграть выработка *новой стратегии промышленной политики*. Суть ее заключается в решении целого ряда ключевых проблем, касающихся приоритетных направлений промышленного развития России. Наиболее актуальными среди них являются следующие.

Во-первых, определение стратегической цели промышленной политики, то есть долгосрочного развития промышленного потенциала — реальной основы будущей российской экономики. По мнению исследователей, в качестве таковой выступает *экономика знаний*. Последняя представляет собой «такое состояние экономики данной страны, при котором: а) знания становятся полноценным товаром; б) любой новый товар несет в себе уникальные знания; в) знание становится одним из основных факторов производства» [2].

Как полагают исследователи, именно этот тип экономики формируется в промышленно развитых странах. Так, «если в 1890 г. среди трудящегося населения было 60% сельских рабочих, неквалифицированных рабочих и операторов, то в 2000 г. их число упало до 20% в общем составе занятых. С другой стороны, значительно увеличилось число профессионально квалифицированных наемных работников — рабочих, техников, управленцев и др. Их труд основан на знаниях, и именно такой труд характеризует новейшую эпоху» [3].

В этих условиях происходят существенные изменения в технической структуре современной экономики. Они совершаются в рамках общего технико-экономического тренда, то есть периодически поступательного замещения одного *технологического уклада* другим [4]. По С.Ю. Глазеву, каждый из них представляет собой целостное и устойчивое образование технологически сопряженных производств [5].

Характеризуя специфику нового (шестого) технологического уклада, автор указывает, что ключевым фактором последнего «следует считать

освоение нанотехнологий преобразования веществ и конструирования новых материальных объектов, а также клеточных технологий изменения живых организмов, включая методы генной инженерии. Вместе с электронной промышленностью, информационными технологиями, программным обеспечением этот ключевой фактор составляет ядро шестого технологического уклада» [6].

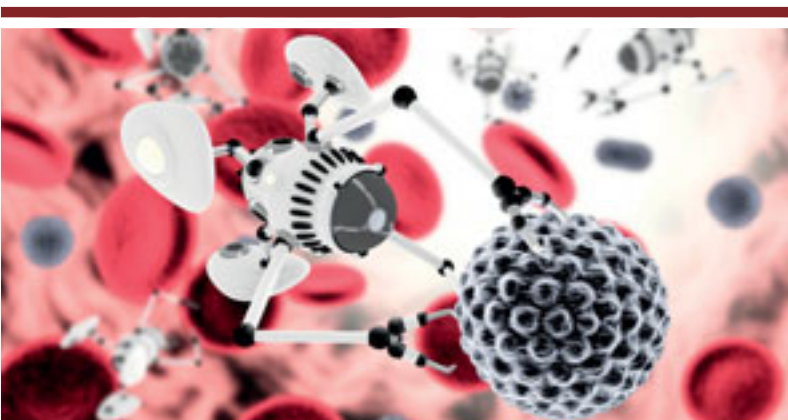
Вследствие внедрения этих технологий в экономику начался ускоренный рост наукоемкости производства, то есть увеличения доли затрат на НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) в ВВП промышленно развитых стран. Так, например, в США и Японии ежегодные расходы на НИОКР в 2002–2004 гг. составляли 3% ВВП, в странах ЕС — около 2, в России — меньше 1% (при значительно меньшем объеме ВВП последней в сравнении с указанными странами). Более того, в стоимостном выражении всеми экономическими субъектами РФ на НИОКР ежегодно расходуется около 7 млрд долл., тогда как только одна компания *Ford Motor* в 2001 г. выделила на эти цели 7,4 млрд долл., *Siemens* — 6 млрд, *General Motors* — 6,2 млрд долл. В 2002 г. внутренние затраты на НИОКР в США составили 243,6 млрд долл., в Японии — 94,7 млрд, в Германии — 47,6 млрд, в Великобритании — 25,4 млрд долл. [7].

По словам упомянутого автора, в странах-лидерах, играющих ведущую роль в мировой экономике (США, Япония, Европейский союз), в которых темпы развития nanoиндустрии особенно высоки, все более возрастающую долю в финансирование НИОКР, в том числе и наноразработок, вносит бизнес. Причем в США эта доля бизнеса превышает долю государственного и местного (штатов) финансирования. Поэтому такие высокие темпы распространения и применения нанотехнологий в негосударственном секторе многих отраслей американской экономики (как, впрочем, и в экономиках других ведущих стран мира) свидетельствуют о вступлении нового технологического уклада в фазу подъема.

Но «в России, несмотря на имеющиеся достижения и разработки в области нанотехнологий (за-

метим, весьма значительные в оборонно-промышленном комплексе. — Н.С.), существует значительный разрыв между высоким качеством проводимых исследований, созданных научно-технологических заделов и низким уровнем инфраструктуры наноиндустрии в стране и медленной коммерциализацией имеющихся разработок. По ряду показателей отставание России от мировых лидеров в этой области в 2007 г. составляло от 2 до 1000 раз. Слабая восприимчивость промышленности к разработкам в области нанотехнологий и примитивные стратегии финансовых структур в условиях перехода мировой экономики на инновационный путь развития являются главными сдерживающими факторами».

Поэтому «ускорение решения задач по развитию в России работ в области нанотехнологий и наноматериалов и освоение достигнутых результатов промышленностью возможны только при наличии масштабной и незамедлительной государственной поддержки в финансовой, организационной, кадровой, нормативно-правовой сферах. При этом внедрение нанотехнологий в экономику не может быть основано просто на использовании достижений фундаментальной науки. Оно должно быть связано с активным и плодотворным сотрудничеством бизнеса, промышленности, науки и государства. С целью получения максимального экономического эффекта от результатов исследований и разработок в области нанотехнологий важно обеспечить своевременный их перевод в коммерческую продукцию. Среди разнообразных научно-технических достижений и перспективных идей в области нанотехнологий необходимо отбирать те, которые можно достаточно быстро внедрить в промышленное производство и продвинуть на рынок. Сделать их приоритетными и поддерживать серьезными фундаментальными исследованиями» [8].

Сказанное означает, что выработка новой стратегии промышленной политики действительно играет решающую роль в определении главного вектора формирования экономики знаний, материальной основой которой является новый технологический уклад.

Во-вторых, выбор модели промышленного развития России в контексте новой стратегии. При ее разработке существенное значение имеют три момента.

1. Общеизвестно, что начиная с реформ Петра I перед нашей страной стояла главная задача: преодолеть технико-технологическую и социально-экономическую отсталость в сравнении с рядом западноевропейских стран — Голландией, Англией и Францией, вставших на капиталистический путь развития. Что же касается России, то в ней переход к капитализму, начавшийся во второй половине XIX в. (в условиях общинного устройства жизни основной массы населения — крестьянства и сохранения крепостнических пережитков), был прерван Первой мировой войной. Она стала отправным пунктом кризиса становящейся капиталистической системы, которая была сокрушена в ходе Октябрьской революции (1917 г.).

2. Впервые в истории человечества в нашей стране была предпринята грандиозная попытка переустройства всех сфер общественной жизни, в том числе и экономической, на социалистических началах. Но опыт подобного переустройства наглядно показал, что за истекшие десятилетия материально-техническая база развитого социализма так и не была создана. Форсированные темпы ее созидания обеспечивались преимущественно на основе индустриализации, то есть качественного преобразования вещественных элементов производительных сил. Производственные отношения не претерпевали подобных изменений. Вследствие этого доминировала технико-технологическая трансформация, которая опиралась на экстенсивные факторы экономического роста. В итоге в кратчайшие сроки удалось превратить страну из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную.

Однако экстенсивные факторы экономического роста к концу 1970-х — началу 1980-х годов оказались исчерпанными. Проблему перехода советской экономики (в значительной мере огосударственной, поскольку в ней доминировал государственный уклад) на интенсивный

путь развития решить не удалось. Об этом свидетельствуют следующие факты: доля ручного труда в отдельных отраслях народного хозяйства оставалась очень высокой; материальные стимулы к труду фактически отсутствовали, вследствие чего работник не был заинтересован в повышении роста производительности труда; попытка внедрения на предприятиях реального (полного) хозрасчета не увенчалась успехом; производимая продукция была чрезмерно материалоемкой и энергоемкой в сравнении с зарубежными аналогами, что явилось следствием технологической отсталости и невосприимчивости к достижениям НТП; темпы экономического роста были довольно высокими лишь до конца 1930-х годов, затем обнаружилась тенденция к их снижению (несмотря на некоторые подвижки в сторону их повышения, происходившие в ходе хозяйственных реформ в 1950–1960 гг.). В результате обострились экономические противоречия, не находя адекватных форм для своего дальнейшего движения и разрешения. В конечном счете это выразилось в застое, кризисе, а затем и в крахе советской экономики.

3. После августовской революции (1991 г.) возникла объективная необходимость выбора нового стратегического курса реформирования общества и экономики. Как известно, в ходе острой политической борьбы был избран наиболее радикальный вариант такого реформирования. Его принято именовать шоковой терапией. В соответствии с ним «оказавшаяся у власти верхушка праволиберальной ветви общественных движений в начале под прикрытием лозунгов демократизации, а затем и открыто начала реализацию политики быстрого конструирования капитализма. Способы и формы реализации

такой политики хорошо известны: отказ от государственного регулирования макропропорций, цен, жесткая монетарная направленность, свобода спекулятивного (рыночного) оборота, либерализация внешней торговли, включая экспорт стратегического сырья, ваучерная приватизация и последовавшие переделы собственности, разорение и разрушение промышленных и сельскохозяйственных предприятий и т.д. Не менее известны и результаты сделанного выбора: обвал экономики и жизненного уровня большей части населения, резкая социальная поляризация, глобальный общественный кризис, потеря геополитических и экономических позиций страны в мире и т.д.» [9].

Выделяя главную причину провала избранной стратегии, Л.В. Никифоров отмечает, что в конце XX в. перед Россией встал тот же самый вопрос, который стоял перед ней в конце XIX в.: быть ей капиталистической или нет? Тогда политические элиты, то есть социал-демократы и либералы всех оттенков, включая и «легальных марксистов», давали на этот вопрос однозначный ответ — конечно, быть. «Однако начавшееся превращение капиталистического уклада в общественную систему довольно быстро обернулось антикапиталистической революцией октября 1917 г. Тем самым выяснилось, что капитализм как господствующая система не соответствует особенностям России и основной части ее народа, прежде всего не буржуазного в своей массе крестьянства и пролетариата» [10, с. 122].

Сейчас новые либералы, указывает далее автор, также утверждают, что нет иного, более разумного пути развития России, кроме капиталистического, а потому они стремятся преподнести эту мысль как нечто изначально данное, само собой разумеющееся. Между тем, происшедшие в нашей стране преобразования вызывают большие сомнения в правильности подобных утверждений. Более того, есть основания считать, что построение в России капитализма как всеобъемлющей системы не менее бесперспективно, как и сто лет тому назад.

По Л.В. Никифорову, таких оснований два. *Первое* из них заключается в том, что время капитализма как господствующей системы уже прошло или, во всяком случае, проходит, поскольку в основном решены задачи индустриализма. Причем создание и развитие индустрии и реального обобществления производства в нашей стране происходили на основе не капитализма, а огосударственной системы, несмотря на при-

➤ ➤ Есть основания считать, что построение в России капитализма как всеобъемлющей системы не менее бесперспективно, как и сто лет тому назад.

сущие этим процессам недостатки, структурные диспропорции и т.п.

В этих условиях попытка перехода к капитализму посредством шоковой терапии, предполагавшей первоначальное накопление капитала, концентрацию собственности в руках немногих «стратегических» собственников, неизбежно привела к изъятию средств производства из процесса производства, к разрушению промышленного потенциала страны, экономическому обвалу, растаскиванию общественного богатства и, как следствие, к падению жизненного уровня основной массы населения. Поэтому в 1990-х годах вместо либерального курса на капитализм нужны были иные стратегические решения, которые создавали бы необходимую «среду, стимулирующую технические прорывы и переход к общему более высокому технологическому уровню народного хозяйства, осуществление структурных сдвигов, ориентацию экономики на удовлетворение потребностей населения и повышение качества его жизни. Для этого требовались концентрация государственных ресурсов на реализации соответствующих производственно-экономических и структурных программ, переход к разнообразным формам собственности и производственным хозяйственным структурам, обеспечение предпринимательской свободы их деятельности. Именно это могло позволить не разрушать экономический потенциал, а по возможности использовать его рациональнее, менять структурно, вовлекать в экономический оборот ранее не использовавшиеся ресурсы, наращивать разные формы мелкого производства и индивидуальной деятельности. Иначе говоря, требовалось разнообразие социально-экономических, производственных, организационных и институциональных решений, а это уже принципиально новый подход по сравнению с начавшейся безоглядной шоковой терапией, приватизацией и капитализацией» [10, с. 122–123].

Второе основание заключается в самой изначальной неприемлемости капитализма для России как общенационального явления, как господствующей общественной системы. Ибо «в качестве та-

ковой капитализм не соответствует глобальным особенностям нашей страны, чем и объясняется его не приживаемость в ней. Конечно, Россия уже давно не та, какой она была век тому назад, во времена первого „нашествия“ капитализма на нее. Изменились экономические, социальные, социокультурные характеристики российского общества, крестьянство давно перестало быть преобладающей частью населения страны, да и в социальном плане — это уже другое крестьянство, и, тем не менее, также, как и в конце XIX в., страна отторгает попытки ее общей капитализации» [10, с. 123].

В противоположность капиталистической системе, по мнению автора, Россия должна избрать новый стратегический вектор общественного развития. Суть последнего заключается в переходе к общественной системе смешанного типа, становление которой уже происходит в промышленно развитых странах.

Отличительная особенность России заключается в том, что она обладает огромным разнообразием богатого ресурсного, пространственного, человеческого, научного, промышленного, аграрного, внешнеэкономического, оборонного потенциала, необходимого для перехода к смешанному обществу (в указанных аспектах). Рациональное использование этого потенциала — залог успеха такого перехода.

Несомненно, чрезвычайно важную роль при этом призвана сыграть выработка новой стратегической модели промышленного развития России. Надо, однако, подчеркнуть, что эта новизна соотносится лишь с прежней (стратегической) моделью *догоняющего развития*. Последняя, как известно, в течение трех столетий доминировала в экономике России начиная с реформ Петра I.

Суть этой новой стратегической модели раскрыл Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию. По словам В.В. Путина, она имеет особый, рубежный, прорывной характер, как и то время, в котором мы живем, когда значимость самого стратегического выбора исключительно высока, поскольку он определяет судьбу нашей страны на десятилетия вперед.

В контексте этого выбора необходимо решить две ключевые задачи. Во-первых, надо преодолеть *технологическое отставание* в отраслях экономики, в которых производятся товары широкого потребления. Актуальность такой задачи обусловлена прежде всего тем, что в мире происходят быстрые технологические изменения.

Вследствие этого всякое технологическое отставание, а стало быть и технологическая зависимость, означает снижение национальной безопасности и экономических возможностей страны, а в конечном итоге — потерю суверенитета. Но в России есть все необходимые условия для решения данной задачи, то есть для того, чтобы совершить решительный технологический прорыв, что позволит обеспечить прорывное технологическое развитие и тем самым долгосрочный экономический рост.

Во-вторых, необходимо повысить *качество жизни и благосостояние всего населения*. Главная проблема здесь состоит в том, чтобы снизить уровень бедности, а в обозримой перспективе ликвидировать ее. Если в 2000 г. за чертой бедности находилось 42 млн человек, или почти 29% населения страны, то к 2012 г. удалось снизить этот показатель до 10%. Отсюда конкретизация поставленной задачи: в предстоящем десятилетии следует обеспечить уверенный долгосрочный рост реальных доходов граждан, а за шесть лет как минимум вдвое снизить уровень бедности.

Сообразно этим задачам выдвинутая Президентом РФ Программа первоочередных мер охватывает два главных направления: технологическое и социальное. Первое ориентировано на внедрение прорывных технологий, повышение производительности труда, закрепление России в пятерке крупнейших экономик мира (предполагается к середине следующего десятилетия увеличить ВВП на душу населения в полтора раза) и т.п. Второе нацелено на материальное стимулирование экономической деятельности, совершенствование здравоохранения, науки, ЖКХ, транспортного комплекса и т.п.

В-третьих, надо определить основные направления промышленной политики. Заметим, они

➤ **Россия должна избрать новый стратегический вектор общественного развития. Суть последнего заключается в переходе к общественной системе смешанного типа.**

трактуются по-разному. Так, одни авторы относят к ним производство средств для:

- устойчивого функционирования инфраструктуры жизнеобеспечения населения и экономики в целом (систем энергоснабжения, теплопередачи, трубопроводов, транспорта, связи);
- агропромышленного комплекса (АПК) с точки зрения его способности обеспечить продовольственную безопасность страны;
- развития топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и сырьевых отраслей экономики, имея в виду последовательную политику повышения степени переработки первичного продукта;
- строительного комплекса;
- фармацевтической промышленности;
- военно-промышленного комплекса;
- высокотехнологичных, наукоемких производств, способных обеспечить занятие критических ниш в мировой экономике;
- материальной базы науки, прежде всего фундаментальной, образования и культуры [11].

Другие указывают на необходимость решения ключевых проблем современной промышленности России, относя к ним износ основных производственных фондов, производственно-оборудования в целом, низкую конкурентоспособность отечественного машиностроения, низкий уровень инвестиций в передовые отрасли экономики, техническую отсталость российского производства [12, 13].

References

1. *Promyshlennaya politika v usloviyakh industrializatsii* [Industrial Policy in the Conditions of Industrialization]. Pod redaktsiei S.A. Tolkacheva. Moscow, MAKSS Press, 2015, p. 18.
2. *Ekonomika znaniy* [Knowledge Economy]. Otvetstvennyi redaktor V.P. Kolesov. Moscow, INFRA-M, 2008, p. 9.
3. *Teoriya i praktika ekonomiki i sotsiologii znaniya* [Theory and Practice of Knowledge Economy and Sociology]. Nauchnyi sovet po Programme fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma Rossiiskoi akademii nauk "Ekonomika i sotsiologiya znaniya". Moscow, Nauka, 2007, p. 29.
4. L'vov D.S., Glaz'ev S.Yu. Teoreticheskie i prikladnye aspekty upravleniya NTP [Theoretical and Applied Aspects of STP Management]. *Ekonomika i matematicheskie metody*. Moscow, 1986, no 5, pp. 793–804.
5. Glaz'ev S.Yu. *Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of Long-Term Technical and Economic Development]. Moscow, Vldar, 1993, p. 60.
6. *Strategicheskie orientiry ekonomicheskogo razvitiya Rossii* [Strategic Guidelines for the Economic Development of Russia]. Nauchnyi doklad. Saint Petersburg, Aleiteya, 2010, pp. 27–28.
7. Beketov N. Gosudarstvennaya politika innovatsii [State Innovation Policy]. *Ekonomist*, 2004, no 9, p. 66.

Третьи акцентируют внимание на специфике развития ключевых секторов и сфер российской экономики: сырьевого комплекса, агропромышленного комплекса, оборонно-промышленного комплекса, базовых секторов промышленности (комплекса конструкционных материалов, гражданского машиностроения), внешней торговли и социальной сферы [14].

Наряду с отмеченными существуют и другие подходы к трактовке данного вопроса. Но при этом остается, так сказать, «в тени», «за кадром» главное, а именно: каков исходный пункт выработки новой стратегии промышленной политики, ориентированной на решение вышеуказанных задач? В свете Послания Президента РФ Федеральному Собранию совершенно очевидно, что таковым должен стать оборонно-промышленный комплекс (ОПК). Ибо в нем применяются прорывные технологии, не имеющие аналогов за рубежом. Эти технологии могут и должны, в свою очередь, стать основой технологического рывка и в гражданских отраслях экономики, прежде всего в машиностроении, станкостроении, приборостроении, создании наноматериалов. Будучи ключевыми отраслями, последние окажут существенное влияние и на развитие других отраслей: добывающей, обрабатывающей, легкой, текстильной, пищевой, фармацевтической промышленности, сельского хозяйства, авиастроения, судостроения и др. Это позволит существенно повысить объем производства ВВП и, как следствие, уровень благосостояния всех слоев населения, обеспечить технологическую и экономическую безопасность России, которая действительно должна обрести статус великой не только военной, но и экономической державы. Практическая реализация этой новой стратегии по существу и означает реальную модернизацию российской экономики. **□**

ПЭС 18053 / 22.03.2018

Источники

1. Промышленная политика в условиях индустриализации / Под ред. С.А. Толкачева. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 18.
2. Экономика знаний / Отв. ред. В.П. Колесов. М.: ИНФРА-М, 2008. С. 9.
3. Теория и практика экономики и социологии знания / Научный совет по Программе фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». М.: Наука, 2007. С. 29.
4. Львов Д.С., Глазьев С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. М., 1986. № 5. С. 793–804.
5. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: Владар, 1993. С. 60.
6. Стратегические ориентиры экономического развития России: Науч. доклад. СПб.: Алетейя, 2010. С. 27–28.
7. Бекетов Н. Государственная политика инноваций // Экономист. 2004. № 9. С. 66.
8. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. С. 175–176.
9. Никифоров Л.В. Тенденции общественного развития и трансформация российского общества. М.: Институт экономики РАН, 2004. С. 49–50.
10. Никифоров Л.В. Смешанное общество: российский вариант. М.: Наука, 1999.
11. Стратегический ответ России на вызовы нового века / Под общ. ред. Л.И. Абалкина. М.: Экзамен, 2004. С. 257–258.
12. Государственная экономическая политика и экономическая доктрина России. К умной и нравственной экономике. Т. III. М.: Научный эксперт, 2008. С. 2250–2276.
13. Модернизация экономики России. Т. 2. Модернизационные процессы в реальном секторе экономики / Под ред. В.В. Каширина, В.П. Орешкина. М.: МАТИ, 2014. С. 59–71.
14. Структурно-инвестиционная политика в целях устойчивого роста и модернизации экономики: Науч. доклад. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2017. С. 12–22.

8. Glaz'ev S.Yu. *Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyakh global'nogo krizisa* [The Strategy of Russia's Advanced Development in Global Crisis Conditions]. Moscow, Ekonomika, 2010, pp. 175–176.

9. Nikiforov L.V. *Tendentsii obshchestvennogo razvitiya i transformatsiya rossiiskogo obshchestva* [Social Development Trends and Transformation of the Russian Society]. Moscow, Institut ekonomiki RAN, 2004, pp. 49–50.

10. Nikiforov L.V. *Smeshannoe obshchestvo: rossiiskii variant* [Mixed Society: Russian Version]. Moscow, Nauka, 1999.

11. *Strategicheskii otvet Rossii na vyzovy novogo veka* [Russia's Strategic Response to the New Century Challenges]. Pod obshchei redaktsiei L.I. Abalkina. Moscow, Ekzamen, 2004, pp. 257–258.

12. *Gosudarstvennaya ekonomicheskaya politika i ekonomicheskaya doktrina Rossii. K umnoi i npravstvennoi ekonomike* [State Economic Policy and Economic Doctrine of Russia. Towards Smart and Moral Economy]. Tom III. Moscow, Nauchnyi ekspert, 2008, pp. 2250–2276.

13. *Modernizatsiya ekonomiki Rossii* [Russian Economy Modernization]. Tom 2. Modernizatsionnye protsessy v real'nom sektore ekonomiki [Modernization Processes in the Real Economy]. Pod redaktsiei V.V. Kashirina, V.P. Oreshkina. Moscow, MATI, 2014, pp. 59–71.

14. *Strukturno-investitsionnaya politika v tselyakh ustoychivogo rosta i modernizatsii ekonomiki* [Structural and Investment Policy for Sustainable Growth and Economy Modernization]. Nauchnyi doklad. Moscow, Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN, 2017, pp. 12–22.